

9/МАЯ. 1946г.

Художественный театр на фронте

Накануне отъезда на фронт мы посетили Владимира Ивановича Немчиновича-Данченко.

В кабинете собрались А. Тарасова, А. Зуева, В. Ершов, Н. Дорохин, А. Георгиевская, Я. Сухарев, представители вокальной части театра — Н. Семерницкий, П. Коробков, А. Акимов, Е. Сокольская.

Владимир Иванович интересовался репертуаром всей бригады и каждого из нас в отдельности. Он расспрашивал, каково наше настроение, самочувствие. Затем говорил о том, насколько почетна и ответственна задача нашей группы: мы будем представлять искусство Художественного театра там, где решается судьба русской культуры, судьба нашего народа. Владимир Иванович напомнил, что наши выступления будут проходить в трудных условиях фронта, и это в еще большей степени увеличивает нашу ответственность. Столь же важно, говорил Владимир Иванович, наше поведение вне концертов, в быту. Мы всегда и везде должны оставаться представителями культуры нашего театра, не считаться с трудностями фронтовой обстановки, быть мужественными патриотами и художниками во всех обстоятельствах. Свое напутствие он закончил простыми, но очень много для нас значащими словами: «Высоко держать знамя Художественного театра!».

На другой день утром от здания МХАТ отошел маленький фронтовой автобус.

С каким чувством благодарности вспоминали мы потом этот, как мы его называли, «драндулет», который проедя на одну тысячу километров, ни разу нас не «подвез», вывоза на ухабах фронтовых дорог, благополучно спускаясь с насыпи у разрушенного моста и удачно выезжая в дождливые осенние ночи из глубоких колдобин проселочных дорог.

Следующую поездку мы совершили в поезде. То, что предстояло перед нашими глазами, когда мы вышли из вагона на станции Бологое, потрясло нас. Вокзал и все прилегающие строения, депо, мастерские, дома железнодорожных служащих, представляли груды развалин.

На улице моросил дождь. Мы накрывали вещи плащ-палаткой, которая в дальнейшем служила нам и занавесом, и кулисами, и задником. Через некоторое время мы перебрались на перрон, чтобы сесть в товарный поезд, который повезет нас в сторону от главной магистрали, к

А. ТАРАСОВА,
Н. ДОРОХИН.

фронт. Наконец подошел до предела переполненный поезд.

Мы разместились кто, где и как мог: на полу, на нарах, на чемоданах. Поезд тронулся. Нас с интересом рассматривали бойцы и командиры. Кто-то, увидев гитару нашего аккомпаниатора, возгласил: «Гитаристу почет и место». И моментально — непонятно, каким образом — в непроходимой тесноте образовалось свободное пространство. Алеша Кузнецов воспользовался этим и, открыв футляр, вынул гитару.

Так начался наш первый концерт. Мы исполняли соло, дуэты и трио, читали стихи, монологи. А закончили песней «Прощай, любимый город», которую вместе пели бойцы и артисты.

Через несколько часов мы распрощались с нашими новыми друзьями.

...Селение, из которого недавно выбиты немцы. Командир части и мы озабочены проблемой: где же давать концерт?

— Есть у нас тут на окраине один сарай... — как-то смущаясь сказал командир. — Может быть, посмотрим?

Товарищи остались в машине ждать, а мы с майором отправились на край села, к одиноко стоящему там большому сараю с соломенной крышей.

По дороге майор объяснил:

— Этот сарай был застенком, где пытали наших красноармейцев, попавших в плен. Вы не поверите, здесь помещалось около трех сотен человек.

Через час сарай был очищен, пол покрыт соломой, часть помещения отделена плащ-палаткой. Вплотную к сараю был поставлен наш автобус, служивший кулисами и помещением для переодевания. С необыкновенной быстротой был сооружен партер. Бревенчатые переплеты перекрытия под крышей служили бель-этажем. Через несколько минут был «запущен». Только смятка первого ряда свободна, — она оставлена для командования, и связисты уже устанавливают рядом с

ней на полу полевой телефон. Командир части должен постоянно быть связан со штабом.

Начинаем концерт. Два снарядных ящика, служащие креслами, да небольшой стол (доска на козлах) — вот несложная обстановка салона княгини Бетси из «Анны Карениной». Встреча Анны с Вронским. С каким вниманием слушают зрители бессмертное творение Толстого, как следят за переживаниями героини! Анна — в великолепном бальном туалете. Как жаль, что ее золотые туфли утопают в соломе и их почти не видно! Но это неважно. Как-то забываешь и об этих бревенчатых стенах, и о соломе на полу, и о сквозном ветре, и об отдаленном шуме самолетов. Невольно вспоминаешь слова Вл. И. Немчиновича-Данченко: «Можно построить великолепное здание, с прекрасной сценой, оборудованной по последнему слову техники, с замечательными декорациями — и это не будет театр; а на площади, окруженной толпой зрителей, действует актер, без сцены, без декорации — и это театр!».

Мы чувствуем, как взволнован наш фронтовой зритель, и в эти минуты нас не оставляет дума о тех людях, которых еще вчера немцы мучили в этом же сарае только за то, что они защищали свою родину, защищали нашу культуру, защищали Толстого, защищали Художественный театр от фашистского варварства.

Дальше мы показываем сцены из «На дне» и «Женитьбы Бальзамина».

Молодой боец протискивается из задних рядов к артистам.

— Я и мои товарищи... — он называет несколько фамилий, — снайперы. У нас на счету по нескольку десятков фрицев, у некоторых и за сто... Мы знаем, что артистам преподносят букеты цветов за их искусство... Но здесь цветов нет. Разрешите от имени моих товарищей в честь вашего приезда открыть новый счет убитых фрицев.

Спустя несколько месяцев на одном из шефских концертов в госпитале в Москве мы встретили командира этой части. Он был ранен в ногу. Его грудь украшал орден. Мы встретились, как старые друзья. Он рассказывал о впечатлении от нашего концерта, которое долго жило в его части, о том, что бойцы на плащ-палатке вышили «чайку» — эмблему МХАТ — и на своих вечерах самостоятельности всегда вспоминали наш приезд.